

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДУША

Источник: Пантелеймон Романов; Избранные произведения.

Изд-во "Художественная литература", Москва, 1988.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (<http://belolibrary.imwerden.de>), 20 августа 2002.

I

Если бы Софье Николаевне сказали, кого и в каком положении она увидит сегодня вечером, она этому так же мало поверила бы, как если бы ей сказали, что она увидит свою покойницу-мать.

Бывают такие неудачные дни: с утра что-нибудь не заладится, и пойдет на целый день одно за другим.

Такой день был сегодня и у нее.

Во-первых, поссорилась с мужем.

А потом подвернулась Маша, которую она никак не могла приучить убирать комнаты раньше, чем она пойдет в лавку. Зайдя в кухню к Маше, она увидела там соседнюю прислугу Аннушку и накричала на Машу, что она все водит к себе гостей, а дела от нее не добьешься. Да еще ложка столовая пропала. Так все пропадет, если она в дом будет водить посторонних людей.

Маша вспылила и потребовала расчет. Софья Николаевна сгоряча дала ей расчет. Потом опомнилась, хотела у Маши просить прощения, но та уже ушла.

И вот теперь сидела на диване с ногами, сжавшись под шарфом, точно ей было холодно, и несчастными глазами, из которых готовы были пролиться слезы, смотрела напряженно перед собою в пол, закусив палец.

Все было противно, тяжело, жизнь казалась холодной, люди -- бездушными. Муж, занятый своими служебными делами, в сущности, просто чужой ей человек. И она, хотя благодаря ему и спаслась от гибели, так как сама не могла и не умела зарабатывать, но в тяжелые минуты разногласий об этом как-то забывалось, и она думала только о своем одиночестве, одиночестве человеческой души, затерявшейся в грубом и чуждом ей мире.

Послышался звонок, какой-то нерешительный, робкий. Софья Николаевна с раздражением и страданием оглянулась на дверь, подождала немного, потом, спустив ноги с дивана, пошла посмотреть, кто это.

II

Когда она открыла дверь, то увидела перед собой худенькую, нищенски одетую женщину в смятой, до жуткости смятой, шляпке, державшейся каким-то торчком на голове, и в заплатанных грязных простых башмаках.

Лицо женщины -- бледное, истомленное страданием -- прежде всего бросилось ей в глаза.

Когда она всмотрелась в большие и странно прекрасные глаза незнакомки, Софья Николаевна вскрикнула, бросилась к ней на шею, осыпала поцелуями ее бледное, истомленное лицо и ее полные страдания глаза.

-- Ирина! Родная! Это ты?.. Да что же это с тобой! -- восклицала она, втаскивая ее за руки в комнаты.

-- Вот видишь?..-- сказала пришедшая и развела руками, как бы показывая себя во всем своем несчастном и непривлекательном виде.

-- Идем же, идем, расскажи все. Боже мой...

Она потащила гостью, сняла с нее жалкую ватную кофтенку, очевидно, с чужого плеча.

-- Может быть, кушать хочешь? Я сейчас... Что же это, боже мой! -- говорила Софья Николаевна. -- Покушай сначала, потом все расскажешь.

Она наскоро подогрела кофе, и, когда странная гостья, держа чашку красными озябшими руками с черными ободками ногтей, с жадностью пила, Софья Николаевна сидела на ковре у ее ног и с